

Система правовой коммуникации: эмерджентная реальность

Зыков Д. В.

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

E-mail: zyk9@yandex.ru

Аннотация

Введение. Существующая в отечественной науке парадигма, определяющая систему права через его внутреннее строение (нормы → институты → отрасли), основана на терминологической путанице. С позиций общей теории систем: *структура* — это внутренняя форма явления, устойчивая конфигурация связей между его частями; *система* — это отграниченное множество взаимодействующих элементов, образующих новое качество и целостность. Следовательно, норма права, будучи сама сложным образованием (гипотеза, диспозиция, санкция), не может быть первичным элементом системы права. Требуется найти более глубокий, онтологический базис.

Методология и материалы. Методологической основой исследования выступает синтез отечественных коммуникативно-диалогических подходов (А. В. Поляков, И. Л. Честнов), модели трехмерного понятия права (С. С. Алексеев) и метатеории юридической техники (М. Л. Давыдова). Исследование предлагает парадигмальный сдвиг в правопонимании через концепцию права как эмерджентной реальности.

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве альтернативы предлагается трехатомная модель системы права, где первичными элементами выступают: 1) объемы прав и обязанностей как материя регулирования; 2) источники обязательности как движущая сила; 3) нормативность сознания как среда существования права. Право возникает в точке напряженного взаимодействия трех онтологических элементов: объемов прав/обязанностей, источников обязательности и нормативности сознания. Нормативность сознания выступает катализатором правогенеза, превращая статичные структуры в живую правовую реальность.

Выводы. Правовая реальность не сводится к сумме своих элементов — она возникает как новое качество при достижении критической массы взаимодействия между объемами прав, источниками обязательности и нормативностью сознания. Этот emergent property объясняет, почему право одновременно объективно и субъективно, стабильно и изменчиво. *Право — эмерджентный феномен.*

Ключевые слова: эмерджентность права, правогенез, нормативность сознания, источники обязательности, коммуникативная теория права, диалогическая концепция права, трехмерное понятие права, метатеория юридической техники.

Для цитирования: Зыков Д. В. Система правовой коммуникации: эмерджентная реальность // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 39–48. EDN: GQKHDF

The System of Legal Communication: an Emergent Reality

Zykov D. V.

Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

E-mail: zyk9@yandex.ru

Abstract

Introduction. The paradigm prevailing in domestic science, which defines the system of law through its internal structure (norms → institutions → branches), is based on terminological confusion. From the perspective of general systems theory: Structure is the internal form of a phenomenon, a stable configuration of connections between its parts. A System is a delimited set of interacting elements forming a new quality and integrity. Consequently, a legal norm, being itself a complex formation (hypothesis, disposition, sanction), cannot be the primary element of the legal system. A deeper, ontological basis needs to be identified.

Methodology and materials. The methodological foundation of the research is a synthesis of domestic communicative-dialogical approaches (A. V. Polyakov, I. L. Chestnov), the model of the three-dimensional concept of law (S. S. Alekseev), and the meta-theory of legal technique (M. L. Davydova). The study proposes a paradigmatic shift in the understanding of law through the concept of law as an emergent reality.

Results and Discussion. As an alternative, a triatomic model of the legal system is proposed, where the primary elements are: 1) scopes of rights and obligations as the substance of regulation, 2) sources of obligatoriness as the driving force, and 3) normativity of consciousness as the environment for the existence of law. Law emerges at the point of intense interaction among three ontological elements: scopes of rights/obligations, sources of obligatoriness, and normativity of consciousness. The normativity of consciousness acts as a catalyst for law-genesis, transforming static structures into a living legal reality.

Conclusions. Legal reality cannot be reduced to the sum of its elements — it emerges as a new quality when a critical mass of interaction among scopes of rights, sources of obligatoriness, and normativity of consciousness is achieved. This emergent property explains why law is simultaneously objective and subjective, stable and dynamic. Law is an emergent phenomenon.

Keywords: emergence of law, law-genesis, normativity of consciousness, sources of obligatoriness, communicative theory of law, dialogical concept of law, three-dimensional concept of law, meta-theory of legal technique.

For citation: Zykov, D. V. The System of Legal Communication: An Emergent Reality. Theoretical and Applied Law. 2025. No. 4 (26). Pp. 39–48.

Введение: критика традиционного отождествления

Наши системные представления о праве пока трехмерны. Такая юридическая картина мира «висит в воздухе» на трех осях координат: иерархия норм (вертикаль) — отраслевая структура (горизонталь) — процессуальная реализация (диагональ как «срез», но не «картина» динамики); внутренняя организация такого пространства права ограничена параллелепипедом («длина-основание» — объективное право; «ширина-глубина» — субъективное право; «высота» — правоотношения).

В качестве отправной точки обратимся к «инфраструктуре» системы правовой коммуникации — внутренней организации права, представленной нормами, институтами и отраслями. Однако, чтобы понять

ее как живую систему, рассмотрим в трехмерном разрезе не статичное понятие права или его структуру, а понятие правовой коммуникации. Тогда получим другую картину, пока тоже статичную как «снимок» реальности, но уже «оживающую» в своем динамическом напряжении:

- *Горизонтальная плоскость (сфера «Что?»)* — это материальное содержание права, где раскладывается всё многообразие юридически значимого поведения и правовых статусов субъектов.
- *Вертикальная ось (сфера «Почему?»)* — это измерение иерархии и легитимации, ответ на вопрос, какая сила делает права и обязанности реальностью: от стихийной обязательности обычаев до институциональных формальных источников.
- *Измерение вглубь (сфера «Во имя чего?»)* — это «индикатор глубины» легитимности, проявляющийся в *нормативности сознания*. Он аккумулирует то, насколько правовые установления воспринимаются как правильные и внутренне обязательные. Это фундамент, временной частью и локацией которого является коллективное сознание.

Архитектура права создает формальные предпосылки для коммуникации, а *правовая коммуникация* наполняет эти структуры жизнью и смыслом. Внутренняя организация права — это застывшая коммуникация, результат прошлых процессов. Функция правовой коммуникации — обеспечивать функциональность, адаптивность и легитимность права. Закон начинает работать, когда его смысл понятен, истолкован и применен. Когда существующие структуры перестают отвечать потребностям, запускается интенсивная коммуникация — дискуссии, критика, надежды, что и приводит к изменению норм. Таким образом, внутренняя организация права и правовая коммуникация — две стороны непрерывного диалога между правилом и его жизнью.

Однако, говоря о внутренней организации, мы подразумеваем структуру, но еще не систему. Система — это отграниченное множество взаимодействующих элементов. Возможно ли дедуцировать из внутренней организации права систему таких элементов, представляющих право как коммуникативную целостность?

Ответ положителен, и трехмерность пространства права прямо указывает на путь. Процедура редукции (изолирующей абстракции) приводит нас к трем координатам пространства, что преобразуются в искомую триаду элементов:

- *объемы прав и обязанностей* (материальное содержание, сфера «Что?»);
- *источники обязательности* (формальная сила, сфера «Почему?»);
- *нормативность сознания* (феноменологическое основание, сфера «Во имя чего?»).

Методология и материалы

Методологическую основу исследования составляет комплексный синтез нескольких влиятельных теоретико-правовых подходов, что позволяет осуществить парадигмальный сдвиг в правопонимании. В качестве теоретического фундамента привлекаются отечественные коммуникативно-диалогические концепции (А. В. Поляков, И. Л. Честнов), акцентирующие роль коммуникации в создании правовой реальности; модель трехмерного понятия права (С. С. Алексеев), предоставляющая структурный каркас для анализа, а также метатеория юридической техники (М. Л. Давыдова), углубляющая понимание внутренней организации правового материала. Ключевым методологическим инструментом выступает метод редукции (изолирующей абстракции), применяемый к предложенной трехмерной модели правовой коммуникации. Этот метод позволяет декомпозировать сложный феномен до его первичных, онтологических элементов, которые не сводятся друг к другу.

Исследование развивается через последовательное применение системного подхода и принципа эмерджентности. Традиционная для отечественного правоведения структурная парадигма (нормы → институты → отрасли) подвергается критике с позиций общей теории систем, где система понимается как отграниченное множество взаимодействующих элементов, порождающее новое качество — целостность. Такой ракурс позволяет преодолеть терминологическую путаницу между «структурой» и «системой» и поставить вопрос о поиске подлинных элементов системы права, которые не являются продуктом

человеческого нормотворчества (как норма), а лежат в основе самого правогенеза. В результате исследование приходит к построению оригинальной **трехатомной модели системы права**, где первичными элементами выступают онтологические категории: объемы прав и обязанностей, источники обязательности и нормативность сознания. Их напряженное взаимодействие в точке коммуникации и порождает право как эмерджентную реальность.

Результаты исследования и их обсуждение

1. «Атомы» системы правовой коммуникации

Первый элемент системы — объемы прав и обязанностей. Они создают для субъекта дифференцируемую меру свободы и ответственности, выступая рамкой его поведения и правовых возможностей. Эти «объемы» являются непосредственным содержанием правового регулирования и тем изменчивым элементом, который наполняет собой абстрактные нормы объективного права. Утверждение, что объемы прав и обязанностей пассивны, верно лишь отчасти. Они пассивны как установленное состояние, как статичный снимок правового положения субъекта в конкретный момент. Однако они активны как потенциал к действию. В точке правового взаимодействия с другим субъектом этот потенциал реализуется, и ранее пассивный объем становится активной силой, порождающей правовые последствия. Именно через это обратное влияние взаимодействие множества индивидуальных объемов между собой и с источниками их обязательности в конечном счете формирует нормативное сознание новых поколений, воспроизводя и развивая правопорядок.

Объем прав и обязанностей не существует вне норм права, а нормы права не могут не заключать в себе таких объемов. Вводимое понятие не отменяет и не дублирует норму, являясь ее логическим продолжением и практическим воплощением. Если **нормы права** — это целостный конструктор, набор деталей для моделирования, то **объем прав и обязанностей** — это «собранная модель» для отдельного субъекта. Это конкретный набор возможностей и требований, принадлежащий человеку или организации в уникальной конкретно-исторической и персональной ситуации. Абстрактные нормы, взаимодействуя с юридическими фактами, результируются в конкретных объемах. Нормы содержат основания поведения, а объем — это ответ на вопрос: что именно можно, должно и нельзя делать этому субъекту здесь и сейчас?

Понятие объема в данном аспекте рассмотрения не поддается сиюминутному «распаду»: в каждый фиксированный момент времени он остается равным себе, являясь одним из трех элементов сложения системы правовой коммуникации. Именно он позволяет индивидуализировать правовое положение. В действительности правовой статус каждого субъекта уникален, поскольку складывается из общего и специального статуса (что дает множество конфигураций), а также из индивидуального статуса, вытекающего из неповторимых жизненных обстоятельств. Это делает количество возможных комбинаций объемов поистине «множеством множеств».

Данное понятие является ключевым для правоприменения и защиты. В судах мы требуем защиты не абстрактных норм, а своего нарушенного персонального объема. Судья же, постановляя решение, заново определяет и фиксирует новый конкретный объем прав и обязанностей сторон после разрешения конфликта.

Известна склонность индивидов в моменты треволнений или в силу амбиций иметь фантастические представления о своих правовых возможностях. Их это систематически предпринимает попытки инфляции и произвольного выхода за свою рамку на территорию свободы другого. Поэтому **источники обязательности** объемов как рамок поведения выполняют две критически важные функции: стабилизируют и воспроизводят сформировавшийся порядок, устанавливая эти объемы изначально. Они пресекают и принудительно корректируют систематически возникающие фантазии о степенях свободы. Своим действием они либо останавливают такие попытки, либо — для возвращения индивида в реальность — принудительно сужают его рамку поведения до более низкоорганизованного уровня правовых возможностей.

Предвосхищая законную критику необходимости введения понятия «объем прав и обязанностей» при наличии в категориальном аппарате таких общепризнанных понятий, как «субъективное право» и «юридическая обязанность», надо заметить, что такая критика, отождествляющая категорию «объема прав и обязанностей» с указанными понятиями, на наш взгляд, основана на методологическом смешении статического и динамического аспектов правового положения. Если субъективное право и юридическая обязанность представляют собой статичные, качественно определенные элементы статуса (что имеет субъект), то их объем — это динамическая, количественно-пространственная мера реализации этих элементов (как много, в каких пределах и при каких условиях он это имеет).

Субъективное право без объема подобно кораблю без водоизмещения: мы знаем его название, но не представляем его реальных возможностей. Объем является не свойством, а самостоятельным, системообразующим элементом, который переводит абстрактную возможность, закрепленную в норме, в конкретный, измеримый режим ее существования для носителя статуса. Таким образом, именно через категорию объема происходит переход от общего, равного для всех правового состояния к индивидуальному, дифференцированному правовому положению конкретного субъекта. Отрицание самостоятельности данного элемента ведет к обеднению аналитического аппарата теории правового статуса и невозможности адекватно описать механизм правовой дифференциации.

Второй элемент системы — источники обязательности, существующие в неразрывной диалектике внешнего и внутреннего. С одной стороны — это волевая власть правящих, объективирующаяся в официальных формах права и создающая систему внешнего детерминирования; с другой — внутреннее волевое подчинение управляемых, которые интериоризуют эти внешние предписания, превращая их во внутренние императивы. Между этими полюсами происходит постоянная коммуникация, в ходе которой внешняя мотивация трансформируется во внутреннюю¹.

Девиация, возникающая при несовпадении внутренних источников обязательности с внешними, порождает социальный конфликт и легитимационный кризис. Таким образом, именно в источниках обязательности мы ищем ответ на вопрос, почему правило обязательно: внешне — это сила властного предписания, внутренне — усвоенные в процессе социализации смыслы и ценности, личные и групповые правовые оценки.

Именно нормативно-правовое предписание (властное веление) выступает той элементарной, правообразующей причиной, которая порождает, поддерживает и изменяет объемы прав и обязанностей. Норма права, будучи целостным логическим конструктом, сама складывается из этих более «элементарных частиц» правовой материи. Можно утверждать, что *норма выражена в предписаниях, а не наоборот*². Если в определении нормативно-правового предписания оставить его ключевой признак — «властное веление», то дистанция между этим понятием и источником обязательности практически исчезает.

Движущей силой развития всей системы является диалектическое противоречие между управляющими и управляемыми, моделью которого выступает пара абстрактных взаимодействующих индивидов. В их борьбе, взаимозависимости и взаимодополнительности берут начало истоки правообразования. Управляющие, стремясь к саморазвитию, обращают в собственность волю и потенциал подвластных, которые, в свою очередь, через это взаимодействие становятся результатом саморазвития правящих. Собственность здесь понимается как фундаментальное отношение, в основе которого лежит естественное стремление человека обращать любое явление (включая другого индивида и его волю) в средство собственного развития. Собственность ведет к свободе, а свободная воля является ее существенной характеристикой, замыкая этот цикл.

Однако предмет регулирования — поведение людей — не пассивно. Оно относительно самостоятелно, тяготеет к автономии и само является источником легитимации правопорядка, потенциальным носителем новых очагов обязательности. Поэтому баланс в системе зависит не от односторонней силы принуждения, а от того, насколько действие общеобязательности урегулировано в соответствии со

¹ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Серия: Jurisprudence. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с.

² Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

«свойствами материала воздействия», то есть с природой, количеством и сознанием индивидов и их групп, в основе которого в конечном счете лежит общественное мнение.

Система права как целостность включает в себя специфическое состояние общего сознания в качестве одного из своих определяющих элементов. Интегральным элементом системы является общее сознание управляющих и управляемых — та самая ограниченная внутренняя среда, где взаимодействие активного и пассивного начал находит точку равновесия. В этой среде функционирование объемов прав и обязанностей происходит автоматически при убежденности, что это — норма (положительная групповая оценка). И напротив, возникает торможение и дисфункция при убежденности в отсутствии необходимости подчинения (отрицательная групповая оценка, которая, в случае победы, сама превращается в норму)³.

В контексте неравных отношений между управляющими и управляемыми источником обязательности выступает не просто воля власти, но основанный на нормативности сознания **акт делегирования — «кредит доверия»**, предоставляемый обществом. Этот кредит, включающий право на легитимное принуждение и принятие решений, и составляет содержание долга управляющих. Как следствие, обязанность подчинения управляемых является оборотной стороной делегированного ими же полномочия, что раскрывает коммуникативную, диалогическую природу власти, а не ее чисто принудительный характер.

Это фундамент правовой системы. Источники обязательности являются мета-источниками, так как они наделяют силой сами источники права. Источники (формы) права (внешние формы выражения правил) — это конкретные «емкости», в которых содержатся правовые нормы. Источник обязательности — это то, что придает правилу юридическую силу. Это ответ на вопрос: *«Почему это правило является обязательным для исполнения и почему государство может применить санкцию за его нарушение?»*. Источник права (в материальном или формальном смысле) — это то, откуда правило черпает свое содержание, свою «плоть и кровь». Это ответ на вопрос: *«Где мы можем найти текст или формулировку этого правила?»*. Эти понятия тесно связаны, но не тождественны. Одно и то же правило может иметь разную юридическую силу в зависимости от источника его обязательности. Представим модель их соотношения в виде двух осей или уровней (см. табл.).

Таблица

Источник обязательности (уровень 1)	Наделяет юридической силой →	Источник (форма) права (уровень 2)	Содержит →	Правовая норма
Воля государства/общественный договор	→	Нормативный правовой акт	→	Статья закона
Воля государства + принцип stare decisis	→	Судебный прецедент	→	Правовая позиция суда
Принцип pacta sunt servanda	→	Международный договор	→	Положение договора
Естественное право/принципы справедливости	→	Общие принципы права	→	Идея справедливости
Историческая традиция + санкция государства	→	Правовой обычай	→	Устоявшееся правило поведения

Источник: составлено автором.

Приведем примеры:

1. Одна форма, разная обязательность. Один и тот же нормативный акт (форма) в демократическом государстве черпает силу из общественного договора, а в тоталитарном — из воли государства (режима).
2. Иерархия. В большинстве современных систем доминирующим источником обязательности является **общественный договор/воля государства**, которая наделяет высшей силой **Конституцию**. Все остальные формы права (законы, договоры) получают силу от нее и должны ей соответствовать.

³ Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: СПбГУ, 2004. 863 с.

3. Динамика. В международном праве источником обязательности часто является прямое согласие государств (договор или обычай), без надгосударственного «государства».

Таким образом, **источник обязательности** — это философско-правовое основание силы права, а **источник права** — это конкретный, часто формализованный способ фиксации правовых норм, сила которого производна от первого.

Третий элемент — нормативность сознания управляющих и управляемых, понимаемая не как совокупность норм, а как их глубинный источник и условие возможности. Это эволюционно выработанная способность к порождению и восприятию должного, психосоциальный механизм, формирующий установки «так надо», «это запрещено», «так правильно». Источником этой нормативности является коллективное сознание, порождающее табу, заповеди, обычаи и в конечном счете — правовые догматы.

Нормативность сознания есть местонахождение нормативных фактов — прочных приобретенных предрасположенностей, отражающих исторически сложившиеся представления о правовой нормальности. Основные типы этой нормативности могут быть соотнесены, в частности, с типами общественно-экономических формаций, выражая их смысловую суть в виде мировоззренческих догм, форм предположения и дорефлексивных установок.

Данный элемент позволяет преодолеть дуализм физической и психической реальности, репрезентуя *третий мир* — среду идей, культуры, intersубъективности и коммуникации. Именно здесь, как верно заметил классик, становится немыслимым восстановление рабства — не в силу отсутствия принуждения, а в силу кристаллизовавшейся в сознании нормативности, отвергающей его. Эта нормативность сначала формирует принципы (внешний источник), затем интернализуется как внутренняя убежденность и, наконец, сквозит в системе норм как руководящая идея, результируясь в конкретных комбинациях объемов прав и обязанностей.

Коммуникативная природа права становится очевидной при обращении к психологической теории Л. Петражицкого. Его концепция императивно-атрибутивных эмоций, по сути, описывает **первичный акт правовой коммуникации**: взаимное приписывание прав и обязанностей, проецируемое на intersубъективное поле. Нормативность сознания здесь выступает не просто психическим фактом, а **коммуникативным условием** возможности права, которое всегда рождается в зазоре между сознаниями, в динамическом напряжении их «проективных идентификаций». Именно это изначальное напряжение между атрибутивной эмоцией одного и императивной эмоцией другого и создает то поле силы, в котором существует и развивается правовая коммуникация, приводя в конечном счете к кристаллизации трех основных элементов системы: **объемов прав и обязанностей** (материализовавшийся результат этого приписывания), **источников их обязательности** (институционализируемая воля) и **нормативности сознания** (само это порождающее поле).

Триада элементов образует нормативно-правовой синтез сознания — *регулятивный кодекс психики*, или *внутреннюю конституцию*. Эта матрица задает систему координат, в которой формируется и ограничивается сознание, определяя права и обязанности мыслей и поступков личности.

Деятельность нормативности сознания разворачивается как диалектическая спираль, проходящая три фазы в каждом цикле:

- *синтез исходного состояния*: осознание и признание нормативности существующего правопорядка как общеобязательной;
- *отрицание и упорядочивание*: нарастание внутреннего противоречия, осознание несоответствия исходной нормативности новым социальным реалиям;
- *отрицание отрицания*: формирование новой нормативности сознания с иными качественными характеристиками, знаменующее переход на новый виток спирали.

Права, обязанности и их источники — не застывшие догмы, а живые, эволюционирующие аспекты сознания. Рост сознания приводит к преобразованию всей системы: объемы прав и обязанностей становятся более сбалансированными, а источники обязательности перемещаются извне вовнутрь, превращаясь в осознанное законопослушание. Таким образом, нормативность сознания является одновременно ядром, движущей силой, критерием оценки и кульминацией всей системы правовой коммуникации.

2. Взаимодействие объемов: как рождается правовая реальность?

Сила права определяется **объемом фигуры**, образованной проекцией на все три оси.

1. Полноценное право (объемный куб): возникает, когда все три координаты имеют высокие значения. **Право собственности (X):** четко определенный объем правомочий. **Источник (Y):** гарантировано Гражданским кодексом и защищается государством. **Легитимность (Z):** воспринимается обществом как священное и справедливое основание экономического порядка. **Результат:** право стабильно, эффективно и не требует постоянного силового принуждения.

2. Слабые, «больные» правовые явления (плоские или вырожденные фигуры):

- **«Бумажное право» (высокий Y, но низкие X и Z):** закон есть (Y), но он непонятен, противоречив (малый объем по X) и воспринимается как несправедливый ($Z = 0$). Пример: непопулярный налог, который все стараются обойти. Он существует формально (Y), но его правовая реальность призрачна.
- **«Право сильного» (высокий X, низкие Y и Z):** одна сторона имеет широкие «права» (фактическую возможность), а другая — обширные «обязанности» (X), но это основано не на законе (Y низкий), а на угрозе насилия, и не признается справедливым ($Z = 0$). Пример: рэкет. Здесь есть распределение прав и обязанностей (X) и источник обязательности в виде угрозы (некий Y), но нулевая нормативность сознания (Z) и отсутствие легального источника (Y).
- **Моральная норма (высокий Z, но $X = 0$, $Y = 0$):** правило поведения внутренне признается обязательным (Z высокий), но не формализовано в законе ($Y = 0$) и не имеет четких юридических последствий ($X = 0$). Пример: обязанность помогать незнакомцу, попавшему в беду. Это глубоко в сознании (Z), но не является юридической обязанностью.

Таким образом, право предстает не как текст или договор, а как возникающая социальная реальность, порождаемая в точке напряженного взаимодействия трех факторов: четко определенных объемов прав и обязанностей (содержание), легитимного внешнего авторитета, обеспечивающего их реализацию, (формальный источник) и intersубъективного признания их справедливости в общественном и индивидуальном сознании (феноменологическая основа), где успех коммуникации зависит от значимости всех трех элементов одновременно.

Трехмерность этой модели показывает, что пространство права не сводится к плоской схеме «норма — санкция». Право становится объемной фигурой, сила которой зависит от гармоничного развития по всем трем осям. Ущербность права — его несправедливость или социальная недейственность — возникает, когда одно из измерений «проседает».

Выводы

1. Императив онтологического триединства. Право существует одновременно в трех измерениях: как материя (объемы прав), как энергия (источники обязательности) и как информация (нормативность сознания). Игнорирование любого из этих аспектов приводит к вырожденным формам правопонимания — от правового нигилизма до правового фетишизма.

2. Диалектический механизм. Развитие права осуществляется через борьбу и взаимопревращение управляющих и управляемых. Нормативность сознания выступает медиатором этого конфликта, обеспечивая легитимацию или делегитимацию существующих правовых порядков. Право — не система координат, а процесс координации.

3. Прагматический императив. Предложенная модель позволяет диагностировать патологии правовых систем:

- распад нормативности сознания → правовой нигилизм;
- гипертрофия источников обязательности → тоталитаризм;
- дисбаланс объемов прав → социальная несправедливость.

4. Право — эмерджентный феномен, порождаемый трехмерной детерминацией сил. Эффективность права определяется «объемом» его проекции на все три оси:

- высокий X: четкость и сбалансированность объемов прав/обязанностей;
- высокий Y: легитимность и действенность источников обязательности;
- высокий Z: глубина укорененности в нормативности сознания.

Дисбаланс по любой оси приводит к вырождению правовой реальности.

5. Нормативность сознания как катализатор. Нормативность сознания выполняет функцию «правового катализатора», ускоряя или тормозя процессы правогенеза:

- трансформирует внешние предписания во внутренние императивы;
- обеспечивает легитимацию правовых институтов;
- создает «критическую массу» для правовых преобразований.

6. Диалектическая динамика праворазвития. Право развивается по спиралевидной траектории, где каждый виток включает:

- синтез (признание существующей нормативности);
- отрицание (осознание несоответствия);
- синтез более высокого уровня (формирование новой нормативности).

Эта триада обеспечивает преемственность и инновационность правового развития.

7. Прагматика правового конструирования. Предложенная модель позволяет:

- диагностировать патологии правовых систем через анализ дисбалансов;
- конструировать более устойчивые правовые порядки;
- управлять процессами правовой коммуникации;
- прогнозировать точки бифуркации в развитии права.

Право предстает не как застывшая структура, а как живой организм, возникающий и развивающийся в напряженном поле взаимодействия материальных, формальных и феноменологических компонентов.

8. Правильные слова бывают. Но не в понимании неопозитивистов, которые пытались выхолостить из языка смысл, оставив лишь сухую, обезличенную «объективность». Правильное слово — это не слово, лишенное субъекта, это слово, которое точно резонирует с архитектурой реальности. Элементы — не открытие и не изобретение. Открытие — мы обнаружили бы нечто, существующее независимо от нас (как Америку). Изобретение — мы создали бы нечто, чего не было в природе (как колесо).

Но эти элементы — третий вариант. Они — инварианты: условия возможности самой правовой реальности, которые становятся явными только в акте диалога и взаимного признания.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с. EDN: RLSTQD
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с. EDN: RLSTQN
3. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 317 с. EDN: QRDKKX
4. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб.: Юридический центр — Пресс, 2010. 224 с. EDN: SUEUJX
5. Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: СПбГУ, 2004. 863 с.
6. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov. EDN: AQDOOD
7. Честнов И. Л. Постклассическая теория права / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с. EDN: QSSDIV

8. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2 (325).

Об авторе:

Зыков Дмитрий Валерьевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (Волгоград, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: zyk9@yandex.ru

References

1. Alekseev, S. S. (1981) General Theory of Law: in 2 volumes. Vol. 1. *Juridical Literature*. 361 p. (In Russ.)
2. Alekseev, S. S. (1982) General Theory of Law: in 2 volumes. Vol. II. *Juridical Literature*. 359 p. (In Russ.)
3. Davydova, M. L. (2009) Legal Technique: Problems of Theory and Methodology. *VolSU Publishing House*. 318 p. (In Russ.)
4. Davydova, M. L. (2010) Normative-legal order. Nature, typology, technical and legal design. *Legal Center-Press*. 224 p. (In Russ.)
5. Polyakov, A. V. (2004) General Theory of Law. Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach. *St. Petersburg State University (Publishing House)*. 863 p. (In Russ.)
6. Polyakov, A. V. (2021) The Principle of Mutual Legal Recognition: Russian Philosophical and Legal Tradition and Communicative Approach to Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 16, No. 6. Pp. 39–101. (In Russ.)
7. Chestnov, I. L. (2012) Postclassical Theory of Law. Jurisprudence Series. *Alef-Press*. 649 p. (In Russ.)
8. Chestnov, I. L. (2016) Constructivist Paradigm in Jurisprudence. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. No. 2 (325). (In Russ.)

About the author:

Dmitrii V. Zikov, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: zyk9@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.